

ЗА СОЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ

Редакция «Литературного Наследства» всецело присоединяется к инициативе организаторов Центрального литературного музея в Москве. Со своей стороны, редакция «Литературного Наследства», ставя этот вопрос (см. наше примечание в публикации материалов по Чернышевскому), предприняла и предпринимает ряд практических мероприятий к созданию музея, к разысканию и собиранию затерянных архивов и отдельных документов. Ниже мы печатаем сообщение об обширном Елагинском архиве, хранившемся мертвым кладом с первых лет революции в провинциальной библиотеке (г. Белев) и лишь ныне по инициативе редакции «Литературного Наследства» перевезенном в Москву и уже поступившем в научную эксплуатацию. Эта находка очевидно должна стать одним из первых поступлений в фонды нового музея.

Начиная с настоящей книги, редакция будет систематически освещать ход организации Центрального литературного музея, в создании которого «Литературное Наследство» примет посильное участие.

Р е д.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Еще осенью 1903 г. на чужбине, в Женеве, в эмиграции у меня созрела мысль о необходимости организовать библиотеку и архив, в которых были бы собраны всевозможные документы, рукописи и редкие издания предыдущих эпох, дабы современным читателям, исследователям и будущим поколениям дать все возможности для изучения революционных и общественных течений, партий и групп, которые возникали на протяжении последних столетий нашей истории. Само собой понятно, что организация этого дела всецело зависела от экономических возможностей нашего эмигрантского существования. Быстро сложившаяся «группа инициаторов» энергично повела дело. Члены этой группы все до одного были членами РСДРП — давнишние подпольщики, в силу политических преследований очутившиеся в Швейцарии в политической эмиграции. Архив и библиотека стали быстро разрастаться, и после Октябрьской революции все материалы из этого учреждения поступили сначала в Истпарт, а потом в Институт Ленина. Нужно отметить, что тогда, когда наша партия была еще в подполье, ее Центральный комитет вполне одобрил эту работу, что и запечатлел осо-

бой резолюцией, которую мы считаем необходимым здесь привести:

«От Центрального Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии.

От души приветствуя прекрасный почин! «Группы инициаторов» по созданию «библиотеки и архива при Центральном Комитете Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», убедительно просим всех товарищей и сочувствующих этому давно назревшему делу оказать посильное содействие нашим товарищам, взявшим на себя труд организовать это сложное и важное дело.

Центральный комитет РСДРП
29 января 1904 г.»

Эта резолюция была написана и предложена ЦК Владимиром Ильичем.

Когда произошел окончательный раскол в нашей партии, мы, группа инициаторов, считая женеvскую библиотеку и архив неразрывно связанными с нашей работой и нашей большевистской частью с.-д. рабочей партии того времени, твердо настояли, несмотря на жесткую и гнусную полемику меньшевиков, чтобы это наше детище было передано «Бюро комитетов большинст-

ва». Владимир Ильич не только совершенно был с этим согласен, но даже собственноручно написал следующую резолюцию, подлинник, который сейчас хранится в Институте Ленина. В этой резолюции он писал:

«Группа инициаторов, учредившая библиотеку РСДРП в Женеве, единогласно постановила передать библиотеку «Бюро комитетов большинства» для общего заведывания делами библиотеки впредь до решения, которое будет принято относительно ее III партийным съездом».

Таким образом, мы видим, что еще в 1903—1904 гг. эта наша коллективная инициатива была дважды одобрена и лично Владимиром Ильичем, и высшим директивным органом партии.

В стране социализма культурные потребности возрастают не по дням, а по часам. Повсюду возникли музеи местного значения, а столицы республик организовали архивы, библиотеки, музеи общереспубликанского масштаба. В Москве создан колоссальный Институт Маркса—Энгельса—Ленина. Широко развернулся Музей революции, Публичная ленинская библиотека (бывший Румянцевский музей) ведет новую стройку, превращаясь в мировое книгохранилище. Возникла огромная библиотека Коммунистической академии с ее целым рядом научно-исследовательских институтов. То же самое делается в Ленинграде, конечно в несколько меньшем масштабе, а также в Харькове, Тифлисе, Казани, Саратове и других областных центрах.

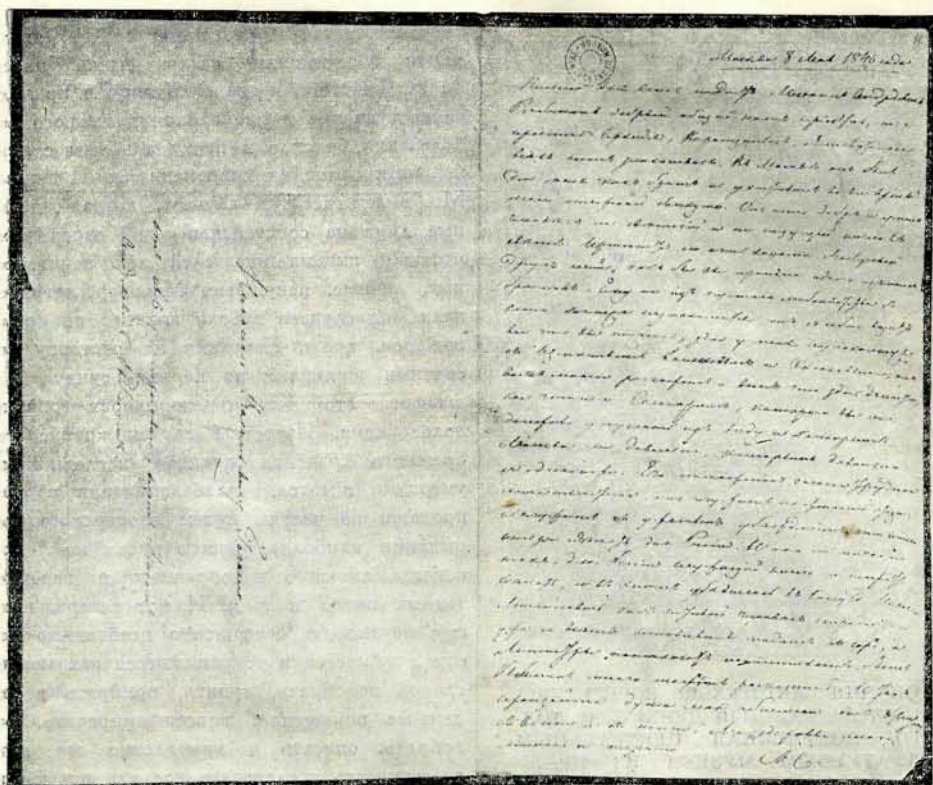
Однако и на этом фронте есть участок, на который необходимо обратить самое серьезное внимание и который пора привести в действительный порядок: мы говорим о литературных музеях, которых в нашей стране довольно много. До сих пор в этом деле торжествовал принцип большего или меньшего почитания того или иного автора. Если современники писателя после смерти его считали его достойным памяти, то организовывались кружки, общества, которые и закладывали основание для музея того или иного писателя. Делалось это повсюду. Так возникли Пушкинский, Толстовский, Чеховский музеи; так организовались музеи Тютчева, Гоголя, Герцена, Лермонтова, Чернышевского, Кропоткина и мн. др. Ни средств, ни сил в этих литературных музеях конечно никогда достаточно не было. Сбор материалов шел здесь случайно,

находясь в полной зависимости от энергии того или другого лица или случайного кружка лиц. Общественности в этом деле всегда было очень мало, зато кружковщина и подчас самая затхлая семейственность царствовали здесь безраздельно. Нередко ближайшие родственники того или иного писателя, при его жизни известные только тем, что мешали проявлению свободного творчества талантливого или даже гениального своего сородича, часто даже отравлявшие и сокращавшие его жизнь, вдруг после его смерти неожиданно из Савлов превращались в Павлов. Навязчивое поклоние этих наследников памяти покойного писателя делало их центром внимания среди почитателей умершего.

Дело собрания литературного наследства, всестороннего изучения творчества почившего писателя, его среды, окружения, экономических и социальных корней, его связей с эпохой нередко сильно тормозилось этими родственниками-почтателями. Они частенько десятилетиями задерживали доставшиеся им архивы, или из самых меркантильных расчетов, желая выждать время, когда можно будет подороже продать весь рукописный материал, или сознательно замедляли его опубликование, так как в своих дневниках или другом эпистолярном наследии писатели нередко оставляли весьма неслестные сведения о своих близких. Мы знаем много примеров прямого уничтожения родственниками и наследниками писем и дневников умерших писателей, отдельных глав воспоминаний и других произведений, неудобных почему-либо этим так называемым близким.

Конечно имеются многочисленные примеры и противоположного отношения ближайшего окружения, когда все документы сохраняются с величайшей тщательностью и уважением. Но в таких случаях создаваемые по частной инициативе музеи носят обычно узко-этнографической и совершенно не критический характер. Самое главное — выяснение социальной и политической базы писателя, связи со своей эпохой, со своим классом, определение его места в общественной жизни страны, в борьбе классов — здесь обыкновенно отсутствует.

В настоящее время особо остро стоит вопрос о создании такого литературного музейного центра в Москве, который бы мог вместить в себе все литературные материа-

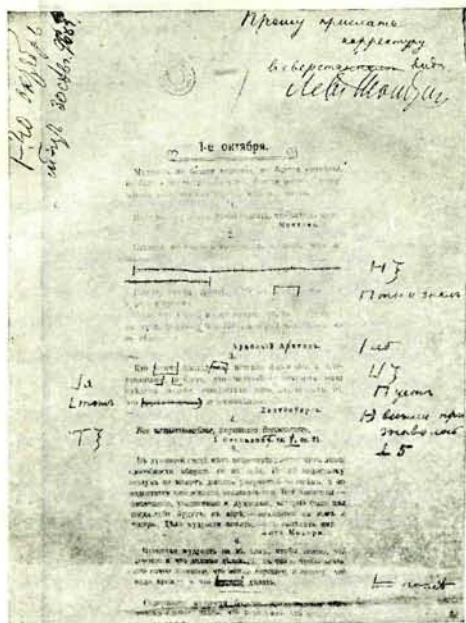
ФОТОКОПИЯ ПИСЬМА А. О. СМИРНОВОЙ К Н. В. ГОГОЛЮ ОТ 8 МАЯ 1846 г., ПОЛУЧЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ ИЗ ПРАЖСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

лы, находящиеся сейчас в различных местах. Мы знаем, что много литературных материалов долгие десятилетия покоятся под спудом в наших музейных и других учреждениях, казалось бы ничего общего не имеющих с музейным делом. Все это необходимо привести в порядок, все это требует прилива живых сил, которые дадут толчок и приведут в движение множество материалов, лежащих мертвым научно-литературным капиталом в тайниках наших книгохранилищ, архивов и музеев. Все литературно-рукописные отделы этих учреждений, все мелкие музеи должны конечно слиться в один огромный литературно-музейный центр, где будет вполне возможно дать надлежащую характеристику эпохи, классовой связи, взаимных отношений писателей, групп и партий, в которые они входили, и таким образом в музейном показе определить их место в истории нашей культуры.

При такой централизации мелких и малых литературных музеев и архивов хотя

бы только в Москве выиграет литературный рукописный фонд писателя.

В этом деле у нас еще нет достаточного порядка и организованности. Что не погибло в огне и пламени гражданской войны и что не было растаскано — поступило во многие местные и центральные книгохранилища, но многое все-таки разошлось по рукам. Местные краеведческие музеи в своих обследованиях стараются теперь разыскивать все оставшиеся документы и бережно сохраняют их в своих местных архивах. Но что же получается на деле? В одном архиве вы найдете письмо Гоголя, в другом — Лермонтова, в третьем — Л. Толстого, Добролюбова и т. д. и т. д. Так как описей этих архивов в большинстве случаев не существует, то даже сведения об этих ценных материалах получаются исследователями совершенно случайно. Приобрести эти материалы к научным работам чрезвычайно трудно, так как исследователям в погоне за отдельными письмами, вариантами, черновиками и корректурами изучаемых авто-

ФОТОКОПИЯ АВТОРСКОЙ КОРРЕКТУРЫ
«МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ» Л. Н. ТОЛСТОГО,
ПОЛУЧЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНЫМ
ЛИТЕРАТУРНЫМ МУЗЕЕМ ИЗ ПРАЖСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

ров приходилось бы бороздить весь СССР. Совершенно ясно, что сосредоточение подлинников рукописей тех или иных писателей должно быть где-нибудь в одном городе, там, где писатель представлен наиболее полно. Совершенно естественно, что и музеи местного значения на совершенно законном основании желают иметь у себя в качестве экспонатов и рукописи, и письма, и портреты различных писателей. Это справедливое желание, эта в высшей степени ценная культурная потребность должны быть полностью удовлетворены и даже в значительно большем объеме, чем это делается в настоящее время, но не за счет подлинников, а обязательно за счет фотоснимков с них. Теперь это дело поставлено так технически совершенно, что замена подлинника фотоснимком вполне допустима и разумна.

Во всяком случае все то, что в настоящее время хранится в центральных или местных музеях, более или менее доступно для исследования, так как находится в государственном владении.

Совершенно иное дело, когда мы говорим о частном секторе этого дела. Здесь литературные материалы подвергаются тысячам

случайностей. Нам известны случаи, когда мыши уничтожили целые пачки писем Л. Н. Толстого, когда одно лицо в припадке иступления и проявления душевного заболевания бросило в печь альбомы с ценнейшими записями современников Пушкина. Мы знаем десятки случаев, когда отдельные лица на собственный свой страх уничтожали письма писателей как неинтересные, личные, ненужные. Мы зарегистрировали ряд случаев гибели архивов во время пожаров, краж, сжигания на растопку соседними жильцами из корзин, сундуков и шкафов, стоявших в коридорах общего пользования. Известны случаи крайне небрежного хранения архивов наследниками умершего писателя; разбазаривания и распродажи по частям путем варварского вырывания наиболее ценных писем из томов некогда любовно подобранных и переплетенных писем и т. д. И вот теперь, пока еще не поздно, совершенно необходимо все еще оставшееся и сохранившееся как можно скорей подобрать, купить, прибрать в надежные помещения, классифицировать, разобрать, описать и немедленно же дать возможность исследовать все эти новые материалы нашим литературоведам и ученым.

Кроме того конечно существует очень много лиц, кровно заинтересованных в сохранении своих архивов, собиравшие которых было делом жизни их предков и их самих, которыми проявлена самая благородная страсть, энтузиазм и безграничная любовь к судьбам нашей литературы. И мы знаем, что эти лица особенно хотят, чтобы все ими собранное могло быть передано на тех или иных условиях в надежные государственные руки в такой центральный литературный музей, который вполне может обеспечить сохранность, уход, научную обработку и широкое использование этих литературных материалов.

Работа над частновладельческим литературным сектором в настоящее время — самая необходимая и насущная задача. Создаваемый Центральный литературный музей с первых же шагов должен стараться сосредоточить все материалы, принадлежащие частным лицам, в государственных руках — в новом грандиозном культурном учреждении, вполне достойном второй пятилетки нашего социалистического строительства.

В виду совершенно назревшей потребности в организации такого Центрального ли-

тературного музея наркомпрос РСФСР, заслушав ряд докладов, постановил образовать комиссию по устройству Центрального литературного музея. Во главе этой комиссии стал нарком просвещения А. С. Бубнов, имеющий двух своих заместителей — И. К. Луппола и В. Д. Бонч-Бруевича. Через некоторое время нарком просвещения ввел в эту основную группу В. И. Невского и Л. Б. Каменева. Помимо названных лиц в комиссию входят еще представители следующих учреждений: 1) Института ЛИЯ Комкадемии, 2) Союза писателей, 3) Центральная архива и персонально следующие лица: Н. А. Семашко, Б. Е. Этингф, В. В. Григоренко, В. Г. Вешнев, С. А. Басов-Верхожанцев, П. И. Лебедев-Полянский, В. И. Соловьев, Н. Я. Марр, А. Ф. Кашиная.

Помимо перечисленных лиц, состав которых может меняться, комиссия кооптировала еще следующих лиц: А. В. Ефремина, М. М. Чистякова, Н. С. Ашукина, М. А. Цявловского, В. М. Соколова, Н. К. Гудзия, Наумова и др.

На эту комиссию прежде всего возложены следующие обязанности, которые включены в ближайший план работ:

1. Проработка целевой установки ЦЛМ, его структуры и состава.
2. Определение фондов, подлежащих передаче из ныне существующих музеев в ЦЛМ.
3. Предварительный план экспозиции.

И дополнительно к этим пунктам прибавлены:

4. Библиографическая и библиотечная комиссии.

После проработки всех этих вопросов комиссия принялась через образовавшиеся органы за выполнение данных ей директив.

Наиболее практически важна деятельность фондовой подкомиссии, которая, несмотря на свое кратковременное существование, вполне могла бы дать нашей широкой общественности, хотя бы при посредстве печати, свой первый отчет.

Фондовой подкомиссией получено, зарегистрировано и описано свыше сотни литературных материалов и документов, в том числе:

Р. М. Плехановой приобретены в Париже: рукопись очерка Ф. М. Решетникова «Полторы бутки по Варшавской железной

дороге», письмо К. А. Полевого к Н. И. Гречу от 3 мая 1864 г.

И. В. Ильинским приобретено в Батуме три письма И. С. Тургенева к Ф. А. Свечину от 16 июля 1881 г., 10 августа 1881 г. и без даты [1881 г.].

Н. С. Ангарским приобретено в Париже большое количество различных документов, относящихся к смерти Тургенева и касающихся его литературного наследства.

В. Д. Бонч-Бруевичем при участии полпреда СССР в Чехо-Словакии А. Я. Аросева засняты толстовские документы из Национального музея в Праге: среди этих документов имеются отрывки «Хаджи-Мурата», рукописи «Мыслей на каждый день», черновики писем к Столыпину, к Кони, письма к Маковицкому (12); сняты копии с яснополянского дневника Маковицкого. Здесь же засняты: письмо А. О. Смирновой к Н. В. Гоголю от 8 мая 1846 г..

(Копии документов)
16го июля 81.

*Скопировано в библиотеке
И. С. Тургенева
в Париже
16 июля 1881 г.*

АВТОГРАФ ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА К Ф. А. СВЕЧИНУ ОТ 16 ИЮЛЯ 1881 Г. Приобретен в Батуме для Центрального Литературного Музея

письмо И. А. Гончарова к F. Chmek от 27 февраля [б. г.].

В архиве чехо-словацкого министерства иностранных дел засняты 12 писем Толстого к Альберту Шкарвану, письма к Кони и черновик письма к студенту Арсеньеву.

Интересные материалы получены из архива б. издательства «Мусажет» и архива Андрея Белого.

Несколько рукописей и фотографий получено также из Дома им. Чернышевского в Саратове.

В настоящее время фондовая комиссия усиленно работает над разысканием целого ряда архивов и над получением уже имеющих. Мы убеждены, что при следующей публикации мы дадим сведения о значительно большем материале.

Влад. Бонч-Бруевич

ЕЛАГИНСКИЙ АРХИВ В МОСКВЕ

Одна из слабых сторон существующей у нас постановки архивного дела — чрезвычайная разбросанность наших архивных фондов, чрезвычайная их дробность. Центральные хранилища — московские и ленинградские — объединяют хотя и очень значительную их часть, но все же ни в ка-

работе над ними, но даже самое общее ознакомление с ними обставлено часто очень большими трудностями. Фактически архивы, сосредоточенные в такого рода хранилищах, погребены для научно-исследовательской работы, точно так же как архивы, до сих пор остающиеся неучтенными и не-

*Въ самомъ деле доходу ваяв, что, въ первомъ же составивъ вамъ
 Комиссию по разбору делъ Багоно — писалъ ему, онъ каковъ, но
 делъ ваяв по старому — это Битковъ въ. позвольте мнѣ дать
 Копию съ вашихъ делъ. Деламъ еще одною записку данъ для
 разбора. Записка для туринскаго правительства, но медленн
 съобратить только въ туринскія пошты съ писемъ Гюго въ Баварю
 закончить, что делъ въостанки принадлежатъ только въ
 му. только дружить, и туринск., и туринск. и др. пошлой.
 была, пошлой туринск. Бавария — ему даю щего уже
 предать полицию.*

*Еще разъ выйдѣ вѣв въ исанна мое въ ваяв оу ваяв.
 на. чинъ мнѣ въ листъ*

*1889 г. вл.
 А. Жуковскій
 Б. Жуковскій*

АВТОГРАФ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВОГО ОТ 24 АВГУСТА 1809 г. Из материалов переведенного в Москву Елагинского архива

кой мере не исчерпывают их полностью. Кроме того и здесь они недостаточно централизованы. Часто архивные материалы, касающиеся одной и той же эпохи, даже одного и того же писателя, оказываются разбитыми между несколькими мелкими хранилищами. Излишне говорить о том, насколько затрудняет это обстоятельство их разработку, насколько препятствует оно их вовлечению в повседневный обиход научно-исследовательской работы.

Еще хуже в этом отношении обстоит дело с архивами, сосредоточенными в провинциальных хранилищах, а таких не мало не только в крупных областных и краевых центрах, но и в районных. Здесь не может быть речи уже не только о систематической

обследованными. Следует добавить, что крайне неудовлетворительные условия хранения ведут к тому, что в ближайшем будущем можно вообще ожидать их полной гибели. Тем острее встает поднятый выше редакцией вопрос об организации единого центрального хранилища, в котором были бы сосредоточены архивные фонды всесоюзного значения.

Считая централизацию мелких провинциальных хранилищ одной из насущных задач архивной политики и рассматривая работу в этом направлении как часть общей оперативной работы журнала, редакция «Литературного Наследства» с самого начала предприняла определенные шаги в этом направлении. Сейчас можно говорить уже о

некоторых конкретных результатах. По инициативе редакции и при содействии Публичной библиотеки им. Ленина доставлен в Москву и поступил в рукописное отделение библиотеки Елагинский архив, в начале революции переданный в Белевскую городскую библиотеку и до последнего времени хранившийся там в неразобранном виде.

В настоящее время архив до конца еще не описан, поэтому полностью содержащиеся в нем материалы с точки зрения их качественного состава охарактеризованы быть не могут, и поэтому пока даем суммарный их обзор. Общий объем архива — несколько тысяч листов, по предварительным предположениям — тысяч пять-шесть. Хронологический их диапазон довольно значителен: они охватывают период от начала XIX в. до семидесятых годов.

Центральную группу материалов образует семейная переписка Киреевских и Елагиных, в частности письма А. П. Елагиной — хозяйки знаменитого московского салона тридцатых годов, ее первого мужа В. П. Киреевского, ее детей от первого брака — известных славянофилов И. В. и П. В. Киреевских, их сестры М. В. Киреевской. Затем письма ее второго мужа А. А. Елагина и детей от второго брака — В. А. Елагина и Е. А. Елагиной; эти письма содержат между прочим ряд замечаний и зарисовок, касающихся первых лекций Грановского в Московском университете, которые Е. А. Елагина посещала.

Вторую группу материалов образуют чрезвычайно обильно представленные в архиве письма В. А. Жуковского — дальнего родственника Елагиных, часто и подолгу живавшего в Долбине. Относятся эти письма главным образом к периоду его романа с М. А. Протасовой, т. е. к десятым годам, но частично и к более позднему времени, в частности ко времени его женитьбы. Далее сюда примыкают письма самой М. А. Протасовой, ее матери Е. А. Протасовой и ее мужа И. Ф. Мойера, письма ее сестры к А. А. Протасовой и А. А. Воейкова — мужа последней.

Вот некоторые из писем, которые были найдены в архиве. В архиве, вероятно, с сохранившимися в нем, в числе других, и письма Жуковского к Елагиной, в котором он упоминает о своем романе с Протасовой. В архиве также найдены письма Елагиной к Жуковскому, в которых она упоминает о своем романе с Протасовой. В архиве также найдены письма Жуковского к Елагиной, в которых он упоминает о своем романе с Протасовой. В архиве также найдены письма Елагиной к Жуковскому, в которых она упоминает о своем романе с Протасовой.

1813
1814
1815
1816
1817
1818
1819
1820
1821
1822
1823
1824
1825
1826
1827
1828
1829
1830
1831
1832
1833
1834
1835
1836
1837
1838
1839
1840
1841
1842
1843
1844
1845
1846
1847
1848
1849
1850
1851
1852
1853
1854
1855
1856
1857
1858
1859
1860
1861
1862
1863
1864
1865
1866
1867
1868
1869
1870
1871
1872
1873
1874
1875
1876
1877
1878
1879
1880
1881
1882
1883
1884
1885
1886
1887
1888
1889
1890
1891
1892
1893
1894
1895
1896
1897
1898
1899
1900

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. Ф. ВОЕЙКОВА К
КАВЕЛИНУ И ЖУКОВСКОМУ
ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1815 г.

Из материалов переведенного в Москву Елагинского архива

Третья группа — письма представителей ближайшего культурно-бытового окружения елагинской семьи — деятелей московского любу мудрия, а позднее славянофильства: Шевырева (в частности, его письмо к А. П. Елагиной с описанием его встречи с Гете в 1829 г., впервые публикующееся в исправном виде в гетевском номере «Литературного Наследства»), Погодина, Аксаковых.

Наконец, четвертую группу образуют адресованные Елагиным письма их близкого друга декабриста Батенкова — главным образом периода 1813—1825 г.

Эпистолярными материалами содержание архива не исчерпывается. Кроме них в архиве обнаружен ряд рукописей П. В. Киреевского — черновики его религиозно-философских трактатов и рассуждений.

Каков удельный вес использованных материалов, доселе неизвестные, — на все эти вопросы должны дать ответ дальнейшие интенсивно ведущиеся разыскания.

И. Сергиевский